

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Е.В. Абраменко, Е.А. Чередникова, Ю.В. Тарасова*Ростовский государственный экономический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

kyrare@yandex.ru

**НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
В АСПЕКТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ КАТЕГОРИЙ
ФРАГМЕНТАРНОСТИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ*****[Ekaterina V. Abramenko, Ekaterina A. Cherednikova, Yulia V. Tarasova*****Science-fiction text in the context of postmodernist categories
of fragmentation and deconstruction]**

Implying the example of K. Vonnegut's novel «Slaughterhouse Five», it is analyzed the postmodernist nonlinear technique of reflecting events, in the context of which the main character's life takes place simultaneously in the present, past and future. As a result, the reader perceives the category of time as a purely psychological reality, suggesting narrative flow, fragmentation, metaprosal parody implications: the novel's main storyline is blurred, any characteristics of the characters are made unstable, the context in which the characters act, neutralizes. Any reader's point of view on the events covered, in the end, is not justified; it turns out to be illusory.

Key words: author's fantastic world, category of time, narrative flow, fragmentation, nonlinear narration, text interpretation.

В данном исследовании дается постмодернистская интерпретация научно-фантастического романа Курта Воннегута «Бойня номер пять, или крестовый поход детей» (1969). Роман «Бойня номер пять» был избран нами для анализа вследствие того, что в нем К. Воннегут прибегает к постмодернистскому нелинейному повествовательному приему фрагментации времени, моделирует жизнь главного героя соответствующим образом, чтобы представить абсурдность войны, ее негативное влияние на психику и психологию человека. Путешествия во времени отражают всю глубину фантазий героя, которые, в свою очередь, можно трактовать в качестве его защитного механизма против длительного деструктивного влияния воспоминаний о бомбардировке Дрездена и пребывании в концлагере.

Анализируя онтологическое измерение текста этого романа, читатель сталкивается прежде всего с авторскими мирами в конфронтации: дрезденская реальность фактически противостоит Тральфамадору, воображаемому миру загадочной планеты, на которой нарушаются общепризнанные нормы человечества. В данном противостоянии, Билли, главный герой, стремится добиться «трансмировой идентичности»: через скачок во времени тральфамадорцы похищают героя, удерживают его на своей планете в течение многих лет, хотя Билли отсутствует на Земле только какую-то микросекунду.

Несмотря на стабильные автобиографические элементы в сюжетной линии текста романа, в нем фактически провозглашается «смерть автора» (термин Р. Барта), а повествование о главном герое и его мировосприятии, кажется, разворачивается само по себе, воспринимается читателями как стыковка абсурдных случайностей и неопределенностей, которые радикально изменяют его систему познания окружающей реальности. Избирая постмодернистскую технику письма, автор романа разоблачает все ужасы активных военных действий, мнимый героический фасад, маскирующий действительные намерения людей, развязывающих жестокие сражения. Имя главного героя повествования, Билли Пилигрима, можно трактовать как, своего рода, постмодернистскую аллегория: как манифестация образа конкретного объекта повествования оно выражает абстрактные понятия, отражающие паломничество в бессмысленность жизненных неурядиц, хаос неизвестности того, что случится через мгновение.

Постмодернизм представляет собой такое философское направление, в рамках которого оспаривается тотальность и целостность рационалистских и гуманистических концепций [1; 2; 6]. Тотальность, провозглашенная Г. Гегелем, замещается прерывностью, принцип однородности значения, обоснованный структуралистами, отвергается в пользу не менее прерывной семантики, рассеянной среди бесконечных возможностей и вероятностей. Распространение получает теория хаоса, базовыми понятиями которой выступают «разнородность» и «разнообразие», активируемые в контексте современного общества и культуры.

Постмодернистское художественное повествование характеризуется фрагментацией всех возможных сфер знания и познания, языка и речи, дискурса и текста, времени и пространства, самого говорящего субъекта [3; 4; 5]. В результате истина, трактуемая как категория скептицизма, получает множественную интерпретацию, лишается объективной основы, а «Я» субъекта познания

окружающего мира репрезентируется как децентрализованная сущность, дрейфующая по амбивалентной бессмысленности и абсурдности бытия. Подвергаются резкому противопоставлению художественное и историческое воспроизведение событий, категории частного и общего, настоящее и прошлое.

Роман «Бойня номер пять» представляет собой художественное воспроизведение реального исторического события – бомбардировки Дрездена союзными силами Великобритании и США в 1945 г. Выступая ярким автором-постмодернистом, К. Воннегут создает роман, в повествовательной канве которого центральное место занимают не общая событийность военного времени, а частные эпизоды из жизни заурядных людей, переживших войну. С опорой на прием остранения (термин В.Б. Шкловского) автор побуждает читателя к переоценке истории и окружающего мира: изображаемые события утрачивают самоочевидность и типичность, что порождает специфический эффект удивления.

В начале первой главы романа, носящей автобиографический характер, выявляется главный мотив постмодернистского научно-фантастического повествования: *«All this happened, more or less, the war parts, anyway, are pretty much true. One guy I knew really was shot in Dresden for taking a teapot that wasn't his. Another guy I knew really did threaten to have his personal enemies killed by hired gunmen after the war. And so on. I've changed all the names»* [7, p. 3]. В текстах писателей-постмодернистов наблюдается деконструкция (термин Ж. Дерриды) автономности «Я» рассказчика и авторитарности автора. Эти категории классического художественного текста выводятся за рамки повествования. В контекстуальном плане образ автора проявляется в онтологической неуверенности в то, что события, отражаемые в тексте, являются истинными. Эти события не обладают целостностью и завершенностью, как это имеет место в текстах классической литературы. Постмодернисты подвергают деконструкции общепринятые конвенции создания художественного произведения, создают индивидуальную повествовательную технику структурирования событий, воспроизводимых в тексте. В свете данных теоретических установок начальный фрагмент романа минимизирует уверенность читателя в то, что события, о которых повествует рассказчик, на самом деле являются достоверными, предопределяет недостоверность и бессмысленность всей событийности, отраженной в последующем разворачивании сюжета. Рассказчик, утрачивая всеведущий характер, воспри-

нимается читателями как объект, обитающий на пограничье между двумя мирами – реальным и воображаемым. Повествовательная техника, избираемая автором, интенсифицирует невозможность реконструкции прошлых событий, вызвавших сильную психологическую травму.

Несмотря на то что в самом начале романа рассказчик заявляет об автобиографичности текущего повествования, образ самого К. Воннегута лишь иллюзорно проявляется при дальнейшем изложении событий, что, в свою очередь, заставляет читателя самостоятельно реконструировать те факты, которые действительно имели место в реальной жизни автора. Принижая свою авторитарность как создателя текста, К. Воннегут иронически мистифицирует реальную действительность, лишает ее каких-либо узуальных значений, дистанцируется от событий, связанных с бомбардировкой Дрездена, чтобы транспонировать свои страдания от полученной психологической травмы в сферу художественного творчества. Читатель сталкивается с образом реального автора всего лишь три раза, а именно при отражении тех событий, которые связываются со следующими фактами: 1) день замужества дочери Билли Пилигрима: в этот день Билли, отвечая на телефонный звонок, слышит голос оппонента (автора), который в его сознании ассоциируется с горчичным газом и запахом роз: «*Billy could almost smell his breath – mustard gas and roses*» [7, p. 63]; 2) посещение Билли уборной во время военных действий: в ней он сталкивается с американцем: «*he ... wailed that he has excreted everything but his brains... That was I. That was me. That was the author of the book*» [7, p. 105]; 3) Билли и его соотечественники пребывают в Дрезден в качестве военнопленных: «*Somebody behind in the boxcar said, 'oz'. That was I. That was me*» [7, p. 125].

Появление реального автора в ходе воображаемых событий, запечатленных в тексте, стирает действительные границы между создателем текста и самим текстом. Читательское внимание фокусируется на процессе текстопорождения, множественности возможных миров. Постмодернистское научно-фантастическое произведение дестабилизирует рубежи размежевания воображаемого мира, моделируемого автором, и самим художественным произведением. В повествование вводятся метатекстовые элементы, которые неявно отражают онтологическую неуверенность американского общества в завтрашний день после окончания Второй мировой войны.

По мере разворачивания текста романа описываются объективные исторические события, в которые вклиниваются научно-фантастические элементы нелинейного повествования. Читатель предпринимает экскурс в реальные и мифические факты, которые, с логической точки зрения, никак не соотносятся друг с другом: история Адама и Евы, Лота и его жены, детского крестового похода, мировых войн. Интеграция всех этих фактов репрезентирует исторический процесс как нехронологическое повторение бесконечных событий, лишенных какого-либо содержания. Другими словами, автор расшатывает основания тотальности, предопределяющие целостность исторического процесса. Одновременно данный научно-фантастический текст фокусирует читательское внимание на той критической роли, которую играет художественная литература в постмодернистском мире.

В диалоге между Билли Пилигримом и Элиотом Роузвотером, в момент их пребывания в госпитале, выявляется ключевая концепция романа: оба персонажа оказываются жертвами Второй мировой войны, находящими утешение вне рамок реальной действительности. Билли Пилигрим предпринимает путешествия во времени, которые можно трактовать как его бессознательную попытку опровергнуть телеологические схемы исторического процесса. Элиот Роузвотер погружается в чтение романов Кильгора Траута, писателя-фантаста, полагая, что художественная литература помогает человеку переосмыслить свое индивидуальное «Я» и окружающий мир, вычленив какое-либо значение из хаотической бессмысленности.

Создавая роман «Бойня номер пять», К. Воннегут реализует попытку постмодернистского направления в гуманитарной научной мысли и искусстве зафиксировать семантическое содержание тех вероломных событий, которые наблюдаются в неопределенном и непостижимом контексте двадцатого столетия. Билли Пилигрим трактуется нами как образ абсурдного персонажа, жизнь которого лишена какого-либо позитивного смысла и свободной воли. Воспоминания героя о войне скрывают в себе сильную психологическую травму, о которой он не способен поведать окружающим его персонажам. Это приводит к тому, что Билли частично утрачивает коммуникативный контакт с текущей объективной реальностью, лишается целостного «Я».

Как и эпоха, которую он символически манифестирует, Билли страдает от внезапно возникающих приступов параноидального беспокойства. Компенса-

цией подобного эмоционально-волевого состояния предстает возможность путешествовать во времени, пребывать в одной из ипостасей своего расколотого «Я». Эти возможности предстают реакцией героя на горестные воспоминания о войне, давление внешнего мира. На протяжении всей своей жизни Билли навязываются те роли, которые он не желает выбирать: солдат, муж нелюбимой женщины, служащий и т.д. В период Второй мировой войны физически неподготовленного Билли призывают на службу в армию, он оказывается в самом эпицентре боевых сражений, становится военнопленным. Вся трагичность существования героя романа заключается в том, что он лишен способности осуществлять контроль над течением своей жизни во временной плоскости. Ср.: «*He is in a constant state of stage fight, he says, because he never knows what part of his life is going to have to act in next*» [7, p. 20]. Беспомощность Билли отражается в его отчаянных попытках создать заслон от всех жизненных неурядиц, свой собственный виртуальный мир. Ту катастрофу, которую испытал герой в Дрездене во время бомбардировки, лишила его способности осознавать окружающий мир, понимать истинное значение событий, потребности своего индивидуального «Я», предопределила его пассивные реакции на события окружающего мира.

В образе Билли отражается авторское чувство несовместимости объективного и субъективного времени: герой изображается как «застрявший» между различными временными пластами. Он засыпает стариком-вдовцом, а просыпается вновь молодым, в день своей свадьбы, многократно видит свое рождение и смерть. Текст романа конструируется автором из многочисленных фрагментов, связываемых посредством повествовательной техники путешествия во времени. Момент бомбардировки Дрездена символизирует разрыв во времени, предполагающий невозможность закономерного линейного следования прошедшего, настоящего и будущего. Феномен фрагментации времени сосредоточивает читательское внимание именно на ключевом событии повествования – бомбардировке Дрездена и той психологической травме, которую получил Билли, став свидетелем данного бесславного события.

Научно-фантастическая перспектива повествования вводит постмодернистский аргумент обоснования категории субъективного времени. Этот аргумент представлен прежде всего в философии времени, характерной для тральфаматорцев, жителей далекой планеты, которую многократно посещает

Билли: умерев, человек остается живым в прошлом; прошлое, настоящее и будущее всегда сосуществуют в одной временной точке. Тральфамадорцы воспринимают жизнь не как циклическую структуру событий, а как длинную прямую линию. Билли начинает придерживаться этой философской концепции, впервые побывав на Тральфамадоре. В соответствии с ней, он предсказывает точный момент своего ухода из жизни.

При постижении данной философии читатель сталкивается с полным отрицанием категории времени, поскольку отвергается возможность изменения, взаимодействия, сопоставления. Время не терпит сдвигов, не таит в себе необходимость предостережения или объяснения, обладает статическим характером, состоит из абстрактных идей и понятий, искусственно извлеченных их потока непосредственности. Когда некоторое событие ментально вычленяется из накопленного жизненного опыта, оно сразу же наделяется стабильной идентичностью, которая не предполагает каких-либо изменений. Билли не признает возможность конфликта между разумными попытками избежать шоковых ситуаций и личностным переживанием этих ситуаций. В результате внутреннее напряжение только возрастает, взаимоотношения с окружающим миром блокируются, сознание погружается в грезы и мечты, не имеющие ничего общего с объективной реальностью.

Билли проявляет особую нечувствительность к логической последовательности событий на временной оси, а поэтому для него прошлое оказывается навсегда утраченным, настоящее – неосознаваемым, будущее – мистическим. Он проявляет полную беспомощность в смысловой идентификации ужасающих событий, имевших место в далеком военном прошлом. Находясь в настоящем времени, он часто оказывается неспособным к релевантному реагированию на текущую ситуацию, что заставляет его перемещаться – во времени – в другую ситуацию. Будущее не представляет для него никаких определенных возможностей, порождая шоковое состояние сознания. Таким образом, категория времени лишена для Билли семантического содержания, поскольку он не может достоверно соотнести свой жизненный опыт в темпоральной плоскости. Герой не ощущает логическую связь между событиями, упорядоченность между ними.

Жизнь героя повествования репрезентирует собой различные грани американской мечты, находящие свое логическое завершение в безумии, шоковой

терапии, ментальной пустоте. Соблазненный американской мечтой, Билли испытывает ментальный коллапс, утрачивает иллюзорный рай и сталкивается с проявлениями объективной реальности, наполненной ненавистью к человеку. Постмодернистский мир оборачивается господством тоталитарного фашизма, натиск которого, по мнению автора, необходимо сдержать и искоренить.

Таким образом, бесконечно фрагментируя временной пласт протекания событий, автор делает попытку унифицировать нелинейное повествование. Билли вперед и назад во времени, становясь неизменным участником всех событий, протекающих между будущим и прошлым. В результате жизнь главного героя предстает последовательностью эпизодов, которые никак не связаны определенным хронологическим порядком. В сознании читателя, постигающего текст, жизнь Билли выстраивается в последовательность событий, не соотносимых друг с другом. У читателя складывается противоречивое впечатление о том, целостным ли является сознание главного героя. Вся абсурдность ситуации заключается в том, что читатель не имеет возможности однозначно определить, путешествует ли Билли самостоятельно во времени, посещая планету Тральфамадор, или же его похищают инопланетяне из летающего блюда. Техника фрагментации повествования задействуется К. Воннегутом в целях иллюстрации той теории времени, которая принята у тральфамадорцев. В тексте романа отсутствуют настоящее, прошедшее и будущее, все времена действуют одновременно, а поэтому у событий нет начала, конца или середины.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Алейник Р.М.* О человеческом в постмодернизме // Вестник Российского философского общества. 2006. № 3.
2. *Бушмакина О.Н.* Поиск самоидентичности «Я» в постмодернизме // Вестник Удмуртского университета. 1997. № 5.
3. *Долженко А.Н.* Фьюжн как принцип (об эклектике в постмодернизме) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 8 (72).
4. *Котова Н.С., Кудряшов И.А.* Проблема онтологического статуса персонажа в метапрозаическом повествовании // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6.

5. *Нюбина Л.М.* Категория «стиль» в постмодернизме // Филологические науки. 2010. № 2.
6. *Смирнов В.В.* Категории интенциональности, конвенции и контекста в постмодернизме // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 2.
7. *Vonnegut K.* Slaughterhouse-five. L.: Penguin, 1994.

R E F E R E N C E S

1. *Aleinik R.M.* On the human in postmodernism // Bulletin of the Russian Philosophical Society. 2006. No. 3.
2. *Bushmakina O.N.* The search for self-identity "I" in postmodernism // Bulletin of the Udmurt University. 1997. No. 5.
3. *Dolgenko A.N.* Fusion as a principle (on eclecticism in postmodernism) // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2012. No. 8 (72).
4. *Kotova N.S., Kudryashov I.A.* The problem of the ontological status of a character in a metaprose narrative // The Humanities and social sciences. 2017. No. 6.
5. *Nyubina L.M.* The category “style” in postmodernism // Philological sciences. 2010. No. 2.
6. *Smirnov V.V.* Categories of intentionality, convention and context in postmodernism // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2013. No. 2.
7. *Vonnegut K.* Slaughterhouse-five. L.: Penguin, 1994.

08 июня 2019 г.
